

Кошка на дороге

На завтрак давали: сосиски с тушеной капустой, пшеничную кашу, пончики с повидлом, кофе с молоком и кусочек масла на блюде. Официантка Лида со-ставила с подноса все сразу, чтобы не заставлять ждать. Ласково улыбнулась и ушла.

Климов оглядел тарелки и оценил ситуацию: перед ним на столе стоял его дневной рацион. Кашу следовало бы съесть утром, сосиски с капустой днем, а пончики - вечером. И этого вполне достаточно сорокалетнему человеку с избыточным весом, ведущему мало-подвижный образ жизни. Но у Климова с детства установилась привычка - раз плачено, надо есть. Привычка осталась от голодного послевоенного детства, от нужды в семье, ко-гда едва сводились концы с концами. Но детство и нужда давно кончились. Климов пре-бывал в среднем возрасте и полном достатке. От возраста и достатка он располнел и когда надевал модные вельветовые джинсы, то приходилось подтягивать живот, и только после этого застегивать «молнию». Живот получался плоский, но зато выпирал желудок, пуго-вицы на рубашке едва сходились, и получалось, что рубашка была плотно набита Климо-вым. Отправляясь в санаторий, Климов поклялся себе, что будет худеть - мало есть и много двигаться. И сейчас, поглощая пончик, он испытывал противоречивые чувства: с одной стороны - неужели у него, мужчины с высоким интеллектом, публикующего науч-ные статьи в научных журналах, не хватает силы воли отодвинуть пончик? Встать и уйти. А с другой стороны - что такое пончик? Сначала люди сеют хлеб. Это называется посе-вая. Потом люди убирают хлеб. Это называется уборочная. Потом свозят зерно на муко-мольный завод и там производят муку. Но это полдела. Люди собирают яблоки, круглый плод земли и солнца, грузят их в ящики и везут на консервный завод, где из яблок делают повидло и сортируют его в банки. Далее мука и повидло попадают к повару, и он все се-годняшнее утро лепил пончики с повидлом и кипятил их в растительном масле. Если разобраться, какое огромное количество труда, и стоит ли пренебречь этим? И ради чего? Ну что изменится, если Климов, скажем, похудеет за срок на три килограмма? Ничего не изменится. Это будет тот же самый Климов, только без трех килограммов. Никто даже не заметит. А если даже кто-то заметит и спросит: «Толя, ты что похудел?» - а он ответит: «Да, я был на диете, не ел мучного и сладкого». Вот и все. Стоит ли затрачивать такое огромное количество труда во имя одной реплики одного полудурка. Или даже уважаемо-го человека.

Пока Климов ел и размышлял, в столовую вошли его соседи по столу. Соседка справа была деликатная старушка, похожая на засушенного кузнечика. Говорили, что в прошлом это была важная персона, не то знаменитая балерина, не то жена какого-то крупного мыслителя. А может быть, и то, и другое. И балерина, и жена. Но старушка сама ничего не рассказывала, а Климов не спрашивал. Его не интересовала чужая жизнь, если 91

она не могла иметь к нему отношения. Старушка о себе ничего не рассказывала, хотя, может быть, ей и хотелось бы рассказать.

Напротив и слева сидели Олег и Лена. Они были счастливы и поэтому всегда опаздывали и к завтраку, и к обеду, и к ужину. Олег был здоровенный, как бурый медведь, и такой же сутулый. У него была манера постоянно острить и разговаривать форсированным звуком, как волк из «Ну погоди». И, глядя на Олега, Климов спрашивал себя: неужели так трудно заинтересовать просто собой? Неужели, для того чтобы вызвать к себе интерес, надо говорить не своим голосом? Разве недостаточно быть далее, Климов больше всего любил лес. Когда-то в детстве друг Славка сказал, что деревья - это умершие люди, и может статься, что в лесу среди деревьев присутствует какой-то очень дальний родственник, живший еще во времена Ивана Грозного. Климов поверил. И верил по сегодняшний день. То есть он, конечно, знал, что это не так. Но ведь никто не доказал обратного. Находясь в лесу, Климов чувствовал себя спокойно и умиротворенно, как буд-то приехал домой на студенческие каникулы. Лес мирил его с прошлым и настоящим. В лесу он не испытывал той сиротливой заброшенности, какую он ощущал, скажем, в вагоне метро. Наибольшее одиночество приходило к нему в скоплении людей, потому что этим людям не было до него никакого дела. У них была своя жизнь, а у него своя.

Возле высокой сосны дорога разветвлялась на три рукава. Климов остановился, как русский богатырь, раздумывая, какую из трех дорог ему выбрать, и в это время из-за деревьев вышла кошка. Она была такая тощая и злая, что просто потеряла кошачий вид. За лесом стоял дачный поселок. Может быть, эта кошка всю зиму просидела в пустой даче, ожидая хозяев, а теперь обиделась и отчаялась и вышла на дорогу, прихватив все свое отчаяние и возмущение. Кошка подняла на Климова огромные глаза, еле уместяющиеся на треугольнике морды, и принялась орать. Не мяукать, а именно орать, делая короткие передышки, чтобы набрать воздух и орать дальше. Глаза у нее были желтые, цвета древесных опилок, с продолговатыми прорезями зрачков.

- Чего это она? - удивленно спросил Климов у проходящей мимо бабы.

- Жрать хочет, - спокойно пояснила баба, не останавливаясь.

- Что же мне с тобой делать?.. - вслух подумал Климов и вслух же решил: - Ну ладно. Пошли.

Климов повернулся и зашагал обратно, в сторону санатория. Кошка замолчала и двинулась следом. Не возле ноги, как собака, а следом. Она не собиралась заискривать и шла там, где ей было удобнее.

Навстречу им выринула машина с ручным управлением. В ней сидели инвалид с товарищем. Похоже, они выехали на воскресную прогулку. У них были лица людей, настроенных на удовольствие. Климов сошел с дороги, пропуская машину, и тут же провалился по колено. Кошка тоже сошла с дороги, легко ступила на наст. Она была такая тощая, что практически ничего не весила.

Машина проехала мимо, фыркнув фиолетовым облаком, и в чистом воздухе сразу запахло городом.

Подошли к санаторию. Возле корпуса Климов обернулся к кошке и сказал:

- Подожди, я сейчас.

Кошка села и стала ждать.

Климов вошел в столовую и разыскал официантку Лиду.

- У вас нет обедков? - спросил он, обаятельно улыбаясь.

- Кому? - не поняла Лида.

- Там кошка, голодная как собака... - Климов достал из кармана рубль и переместил его в карман Лидиногo белого фартука.

- Ой, да ну что вы. Зачем? - мило возмутилась Лида, но настроение у нее не ухудшилось.

Она качнула головой, как бы осуждая Климова за мелочность, и скрылась в недрах своего хозяйства. Через минуту вернулась и принесла небольшую кастрюлю с обедками. В кастрюле были каша, капуста, надкушенные пончики и даже несколько целых сосисок.

Значит, кто-то умел себя сдерживать, хотя и платил за путевку полную стоимость. Без скидки.

Климов вернулся к кошке, поставил перед ней кастрюлю, волнуясь и одновременно ликуя от предстоящей кошкиной радости. Но кошка никакой радости не обнаружила. Она деловито опустила морду в кастрюлю и не подняла ее до тех пор, пока все не съела и не вылизала кастрюлю до стерильной чистоты. Живот у нее постепенно набухал, как у комара, севшего на руку и пьющего кровь. Наконец кошка извлекла морду из кастрюли и посмотрела на Климова. Зрачки ее из продолговатых стали круглыми.

- Еще? - спросил Климов.

Кошка промолчала. Продолжала глядеть.

Климов снова пошел к Лиде, и она снабдила обедками. На этот раз, Климов заметил, в кастрюле была преимущественно каша. Кошка тоже обратила внимание на это обстоятельство, но все равно принялась есть - наверное, впрок. Она была не уверена в завтрашнем дне и даже в сегодняшнем вечере.

Из корпуса вышла старушка, соседка Климова. На ней была черная широкая шуба с квадратными плечами, похожая на кавказскую бурку.

- Вторую кастрюлю ест, - насмешливо восхитился Климов.

- Она же лопнет... - старушка удивленно раскрыла свои полудетские глаза. - Разве можно, так перегружать голодный желудок?

Климов отобрал у кошки котелок и отнес его на кухню. Когда он вернулся, то увидел возле корпуса сестру-хозяйку Елену Дмитриевну. На ней был ватник, надетый поверх белого халата. В руках она держала стопку махровых полотенец, от этого ее спина была выпрямлена, а гордая осанка сообщала гордость всему ее существу. Как правило, люди, занимающие низкую ступеньку на престижной лестнице, любят показывать свою власть - это их способ самоутверждения. И Климов, публикующий научные статьи в научных журналах, был для сестры-хозяйки самый заурядный отдыхающий, даже хуже, чем заурядный, потому что он нарушил правила внутреннего распорядка.

- Чья кошка? - строго спросила Елена Дмитриевна.

- Ничья. 93

- А как она сюда попала?
- Я принес, - сознался Климов и почему-то заробел.
- Значит, ваша?
- Ну, моя...
- Не вздумайте оставлять ее здесь. Ее собаки разорвут.

Климов вспомнил, что при санатории действительно пасутся две дворняги, одна - без хвоста, и обе без гордости. Собаки-попрошайки. Каждый раз после обеда отдыхающие выносили им куски и кусочки, и собаки преданно смотрели людям в руки и глаза. Конку-рентию кошки они вряд ли потеряют.

- И не вздумайте брать ее себе в номер, - предупредила сестра-хозяйка. - У нас в помещении животные запрещены.

Сестра-хозяйка повернулась и пошла, выпрямив, даже выгнув спину. Климов вспомнил почему-то, что летом она делает себе салат из трав, которые растут под ногами: подорожник, крапива, стебли одуванчиков, корни лопуха. Эти травы знают животные, а люди их не едят. Люди едят только то, что сеют. И это большое заблуждение. В беспри-зорных травках есть жизненная сила, которая дает уверенность плоти, а плоть сообщает свою уверенность духу, ибо, как известно, в здоровом теле - здоровый дух.

Климов вздохнул, поднял кошку с земли, посадил ее на плечо и пошел обратно, на развилку трех дорог. На развилке он снял кошку с плеча, поставил ее на дорогу и пошел в глубину леса. Кошка зашагала следом. Климов обернулся и сказал:

- Не ходи за мной. Ты же все слышала.

Он ускорил шаг, но кошка тоже ускорила шаг.

- А ну иди отсюда! - Климов сделал свирепое лицо и затопал ногами, как бы побе-жал на кошку, хотя оставался на месте.

Климов прекратил бег на месте, повернулся и пошел.

Кошка подумала и тоже пошла в глубину леса, за Климовым, соблюдая, однако, дистанцию.

Климов оглянулся и заключил:

- Ни стыда, ни совести... А еще кошка.

Отсутствие совести у одного рождает бессовестность у другого. Климов пошарил глазами вокруг себя, поднял с земли небольшой черный сук и метнул в кошку. Кошка от-скочила, давая дорогу летящему предмету. Посмотрела на сук, потом на Климова, и в ее глазах легко было прочитать: "Какой же ты подлец!"

- И очень хорошо, - сказал Климов и пошел дальше.

В глубине леса широким, размашистым шагом бежали два лыжника, один в ярко-голубом, другой в ярко-оранжевом. Климов пригляделся. Это были Олег и Лена. Лена остановилась, стала ждать Олега, изогнув стан, опершись на палки. Ей, наверное, было радостно смотреть на него - приближающегося, огромного, оранжевого, как факел.

А ему нравилось приближаться к ней, небесно-голубой на фоне заснеженного леса. Они улыбались друг другу, и морозное облачко витало вокруг их губ.

Климов вспомнил свои лыжные прогулки. Обычно он одевался на лыжи, как на субботник, напяливая на себя самое распоследнее рванье, и в результате походил на плен-ного немца.

Казалось бы: ну и что особенного? Не все ли равно, в чем кататься? Но сейчас почудилось: было упущено в жизни что-то, связанное с достоинством.

Климов обернулся. Кошки не было.

Дорога переходила на лыжню. Идти по лыжне было неудобно, а возвращаться не хотелось. Не хотелось встречаться с кошкой. Все-таки их отношения были подпорчены. Климов вздохнул и побрел как попало, время от времени глубоко проваливаясь в снег, медленно вытаскивая ноги. Неожиданно он выбрался к реке. Река была под снегом. В двух местах дымились две полыньи. Через реку по протоптанной тропинке шли два мальчика с портфелями, - наверное, со школы, и наверное, эта дорога была короче. Климов стоял и смотрел, как 94

движутся две фигурки, черные на белом, как в немом кино. Снег сверкал под солнцем. Мальчики шли навстречу своей жизни, не обычной, может быть, судьбе, и не тяготились повседневностью.

«Надо бы позвонить кому-нибудь, - подумал Климов. - Пусть приедут». А потом подумал: «Приедут из города и привезут с собой часть этого города, от которого я бе-жал...»

Те двое, как всегда, опаздывали, а деликатная старушка сидела на месте.

Климов успел проголодаться и с удовольствием принялся за холодную закуску.

- А где ваша кошка? - спросила старушка.

- Я ее обратно отнес, - ответил Климов, насаживая на вилку кусочек сардины с нежными оплывшими краями.

- Куда? - не поняла старушка.

- На дорогу.

- Вы бросили ее на дороге? - удивилась старушка.

- А куда я ее дену? - в свою очередь, удивился Климов.

- Что значит «дену»? Вы говорите о живом существе, как о вещи...

Климов перестал есть.

- Я не понимаю, что вас не устраивает? То, что я накормил голодную кошку?

- Если вы начали принимать участие в другой судьбе, то вы должны участвовать до конца.

Или не участвовать совсем.

- Да. Но это не имеет отношения к кошкам.

- Вы не правы. Кошка - очень личностный зверь. Вы даже не представляете себе, что такое кошка. Она связана с Луной. Как море.

- Откуда вы знаете?

- Знаю. Я сама при первом рождении была кошка, - старушка улыбнулась, как бы вышучивая свою фразу.

«Сумасшедшая», - подумал Климов.

Замолчали.

Мысленно перевернули страницу беседы.

Подошла официантка Лида и поставила перед Климовым тарелку с борщом.

Климов понял, что ему не хочется сидеть со старушкой, мысленно листать страни-цы бесед.

Он с сожалением посмотрел на круг сметаны в золотисто-рубиновом борще и поднялся из-за стола.

- А второе? - удивилась Лида.

- Разгрузка, - лаконично ответил Климов и пошел в свою комнату.

В комнате он сел в кресло и приказал себе: не додумывать. Когда его что-то трево-жило и он не знал выхода, он запрещал себе додумывать ситуацию до конца.

Климов посидел в кресле, и ему пришло в голову разрешить себе послеобеденный сон. Он не обедал, а значит, имеет право не двигаться, а лечь и поспать в течение сорока пяти минут.

Климов разделся и лег в постель, чувствуя почти счастье от белой крахмальной наволочки, от ощущения комфорта и покоя. Он взял с тумбочки книгу, открыл ее и пошел в мир, который предлагал ему автор книги. Он потолкался в этом мире, как посторонний человек, которого никто не интересуется, и закрыл глаза. А когда открыл их - было три часа ночи. Климов спал не сорок пять минут, как собирался, а десять часов, свою ночную нор-му. Может быть, организм устал и предложил свою дозу отдыха.

А может быть, что-то на секундочку заклинило, перепутались связи и рефлексy.

За окном было темно. Хотелось есть.

Климов стал думать, чем бы заняться: читать не хотелось, спать тоже не хотелось, он уже выспался. Просто лежать и смотреть в потолок было неинтересно. Он встал, оделся и вышел на улицу.

Ночью подморозило. Снег звонко скрипел под ногами. 95

Климов пошел своей прежней дорогой в лес. Луна стронулась с места и поплыла следом за Климовым, сопровождая его. Деревья стояли как близкие люди, и было совсем не страшно, а, наоборот, хорошо идти одному и вести за собой Луну, как на поводке. От Луны шло свечение в небе и на земле. Климов вдруг понял, что когда-то уже видел это. Но когда? Где?

...Это было двадцать два года назад. Он учился тогда в десятом классе, и они справляли Новый год у Леночки Чудаковой на даче. И именно в это время, в три часа, выскочили на улицу. Было точно такое же небо и деревья, отчетливые в лунном свете. И бы-ло еще что-то, заставляющее его дрожать. Не мороз. И не Ленка Чудакова. И не дешевый портвейн, от которого темнели зубы. Это был напор счастья - тугой, как напор воды в гибком шланге, заставлявший его трепетать. Это была уверенность в близкой и полной реализации своей личности, своей любви. Он стоял на крыльце и придерживал себя за локти, чтобы не Дрожать от счастья. Это было двадцать два года назад... А потом? Потом он был ярко счастлив и с такой же силой несчастлив. Но об этом лучше не помнить. Не додумывать ситуацию до конца... А собственно, почему не додумывать? Может быть, как раз взять и додумать до самого конца. И все исправить и выверить по законам его, кли-мовской, совести... Может быть, за этим он и вышел ночью на улицу впервые за двадцать два года...

Климов остановился и вдруг заметил, что стоит на перекрестке трех дорог. Он стал смотреть по сторонам, ощупывая глазами каждый метр светлой от снега земли. Сердце его сильно стучало.

Кошка сидела под деревом, ждала его и не шевелилась. То ли уснула, то ли приго-товилась ждать долго и задумалась о своем.

Климову стало жарко от прилива горячей благодарности. Значит, кошка верно оце-нила его душевные ресурсы. Значит, это действительно личностный зверь: ведь чем бла-городнее личность, тем больше добра предполагает она в других. Благородство одного рождает благородство в партнере. Климов устремился к дереву, проваливаясь почти до подмышек. И вдруг стал, будто его толкнули в грудь.

Это была не кошка. Это был сук - тот самый, которым он в нее бросил.

Климов стоял и слушал в себе опустошение. В этом опустошении гулко и трудно, будто вхолостую, билось сердце. Луна остановилась над Климовым и походила не на све-тящийся череп, как он где-то прочитал, а на планету, если на нее смотреть с большого расстояния. То есть Луна походила на себя самое. И Земля, наверное, выглядит так же, если на нее смотреть с Луны. Только Луна – желтая. А Земля - голубая.

Виктория Токарева

I. Проанализируйте сюжет рассказа по известной вам схеме.

II. Дайте характеристику главному герою: портрет, жизненная позиция, пове-дение.

III. С какой целью Токарева вводит в текст ретроспекцию? Определите ее роль в создании подтекста.

IV. Какое значение для раскрытия внутреннего мира Климова имеет мотив еды?

V. Присутствует ли в образе кошки символический смысл? Обоснуйте свой ответ. Найдите в образах кошки и Климова общее и отличное.

VI. Как вы понимаете финал рассказа?

VII. Сравните рассказы В. Токаревой и Э. Хемингуэя.